

МАРК РААБЕ НАДРЕЗ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
БЕЛГОРОД СЕМЕЙНОГО
2016 ДОСУГА

1979

Пролог

Западный Берлин, 13 октября, 23:09

Габриэль стоял в дверном проеме и всматривался в темноту. Из коридора на лестницу, ведущую в подвал, проникал свет, но кирпичные стены словно впитывали его.

Габриэль ненавидел этот подвал. Особенно он пугал мальчика ночью. Конечно, неважно, светло снаружи или темно. В подвале всегда царила ночь. Но днем можно было сбежать от этой темноты, укрыться в саду, выбраться на солнечный свет. А ночью темно было *повсюду*, и на улице тоже, и в каждом углу таились призраки. Призраки, которых не видел никто из взрослых. Призраки, которые только и ждали, как бы вонзить когти прямо в затылок маленькому мальчику. Габриэлю было всего одиннадцать лет.

Подвал пугал его, но он не мог отвести взгляда и как зачарованный смотрел вниз, где свет угасал.

Дверь!

Она была приоткрыта!

Между темно-серой стеной и дверью зияла черная щель. А за дверью – лаборатория, темная, как «Звезда смерти» Дарта Вейдера.

Сердце часто-часто забило в груди. Габриэль рассеянно вытер вспотевшие руки о пижаму – это была его любимая пижама, на груди красовался Люк Скайуокер из «Звездных войн».

Черный проем высокой двери притягивал его, точно по волшебству. Мальчик медленно опустил босую ногу на лестницу. Шероховатая деревянная ступенька предательски скрипнула. Но Габриэль знал, что они его не услышат. Родители ссорились, закрывшись в кухне. Ужасная ссора. Куда страшнее, чем обычно. И Габриэля это пугало. «Хорошо, что Дэвид этого не слышит», – подумал он. Хорошо, что он позаботился о безопасности младшего братика. Дэвид бы расплакался.

И все-таки сейчас хорошо было бы оказаться здесь не в одиночестве. В этом подвале с призраками. Габриэль сглотнул. Щель в двери, черная, как врата преисподней.

«Посмотри, что там! Люк бы посмотрел».

Отец пришел бы в ярость, если бы застал здесь Габриэля. Лаборатория была папиным секретом. Надежная, как крепость, с металлической дверью. Черный дверной глазок поблескивал. Никто и никогда не входил в эту лабораторию. Даже мама.

Габриэль ступил на бетонный пол подвала и зябко поежился. Деревянные ступени лестницы были такими теплыми, что пол показался ему ледяным.

«Сейчас или никогда!»

И вдруг с первого этажа донесся грохот. Звук исходил из кухни — та располагалась прямо над подвалом. Словно стол протащили по кафельному полу. Габриэль подумал, не вернуться ли ему. Мама осталась там с папой совсем одна, а мальчик знал, каким страшным бывал отец в гневе.

Но затем он вновь взглянул на приоткрытую дверь. Может быть, больше не представится такого шанса.

Когда-то он уже спускался в подвал, года два назад. Тогда отец забыл закрыть верхнюю дверь на засов. Габриэлю было девять лет. Он долго стоял в коридоре и смотрел вниз. Любопытство победило, и он спустился по лестнице. Он боялся призраков, но не решился включить свет и шел в полной темноте.

И дверной глазок вдруг вспыхнул красным, точно око сказочного чудовища.

Тогда мальчик бросился бежать со всех ног, к Дэвиду, в детскую, под одеяло.

Но теперь ему уже исполнилось одиннадцать. И он вновь стоял перед этой дверью. Но око чудовища не вспыхнуло. Дверной глазок оставался черным, холодным, мертвым. В слабом свете в глазке отражались стены подвала — и сам Габриэль. Чем ближе он подходил, тем больше казалось его лицо.

Но почему тут так отвратительно пахнет?

Осторожно ступая по бетонному полу, он вдруг коснулся босой ногой чего-то влажного, рыхлого. *«Рвота. Это рвота!»* Так вот почему тут так воняет. Но почему кого-то стошнило именно здесь?

Превозмогая тошноту, мальчик вытер ступню о сухой пол, но между пальцами что-то застряло. Ему отчаянно хотелось взять носовой платок или мокрую тряпку и вытереть ногу, но лаборатория была важнее. Габриэль протянул руку, опустил пальцы на дверную ручку, осторожно открыл дверь чуть шире и юркнул в темноту. Его окутала странная тишина.

Как в могиле.

В нос мальчику ударил едкий запах химии, как на кинофабрике, куда папа как-то отвел его после съемок.

Сердце выскакивало из груди. Оно билось так быстро, так громко. Габриэлю захотелось оказаться подальше отсюда, рядом с Дэвидом, под одеялом.

«Люк Скайуокер ни за что не стал бы прятаться под одеялом».

Пальцы левой руки потянулись к стене. Мальчик, дрожа, искал выключатель, но боялся нащупать что-то другое. Что, если они прячутся здесь, эти призраки? Вдруг они схватят его за руку? Вдруг он случайно сунет чудовищу руку прямо в пасть — и зубы сомкнутся на запястье?

Вот оно! Прохладная пластмасса.

Он нажал на кнопку выключателя, и под потолком вспыхнули три красные лампы. Комнату залило странным багровым светом.

Все вокруг казалось красным, как в животе у чудовища.

По спине у Габриэля побежали мурашки. Он застыл на пороге лаборатории, словно впереди пролегла невидимая граница, которую он не хотел переступать. Прищурившись, мальчик внимательно осмотрелся.

Лаборатория оказалась куда больше, чем он думал: три метра в ширину и семь в длину. Прямо перед ним висела плотная штора из черного мольтона. Кто-то сдвинул ее в сторону.

Под бетонным потолком протянулась бельевая веревка, на ней были развешаны фотографии. Часть из них сорвали и бросили на пол.

Слева стоял фотоувеличитель, справа вдоль стены тянулись полки с оборудованием. Габриэль удивленно распахнул глаза: он узнал кино- и фотокамеры «Аррифлекс», «Болье», «Лейка» и другие, поменьше. В журналах, громоздившихся в папином кабинете на первом этаже, много писали о таких камерах. Когда папа выбрасывал журнал, Габриэль доставал его из мусорного ведра, прятал под подушку и перед сном читал под одеялом, подсвечивая себе фонариком, пока не начинали слипаться глаза.

Рядом с камерами лежал с десяток объективов, некоторые были длинными, точно ствол ружья; рядом — мелкие фотоаппараты, глушители для моторов камер, позволявшие записывать чистый звук, 8- и 16-миллиметровые киноплёнки, стопка из трех кассетных видеомagneтофонов, четыре монитора и наконец две новенькие видеокамеры. «Пластиковая дрянь», — ругал их папа. Но Габриэль как-то прочитал в одном из папиных журналов, что этими новыми видеокамерами можно снимать почти два часа, не меняя плёнку, — невероятно! К тому же «пластиковые дряни» не шумели, как кинокамеры, а вели запись беззвучно.

Габриэль восторженно обзирал эти сокровища, его глаза блеснули. Ему так хотелось показать все это Дэвиду! При мысли об этом встрепенулась его совесть. В конце концов, находиться тут опасно. Нельзя приводить сюда Дэвида. К тому же братишка уже наверняка спит. Он правильно поступил, заперев дверь в комнату.

И вдруг опять что-то гроыхнуло. Габриэль испуганно оглянулся. Но в подвале никого не было. Ни родителей, ни призраков. Мама и папа все еще скандалили в кухне.

Мальчик снова обвел взглядом лабораторию, эти сокровища. *«Иди сюда»*, — словно шептали они. Но Габриэль все еще стоял на пороге, у шторы. Страх не отпускал. Он еще мог вернуться. Он ведь увидел лабораторию, зачем ему входить туда?

«Одиннадцать! Тебе уже одиннадцать! Ну же, не будь трусом!»

А сколько лет было Люку?

Поколебавшись, Габриэль шагнул внутрь. Шаг, еще один.

Что же это за фотографии? Нагнувшись, мальчик поднял с пола снимок и всмотрелся в размытое зернистое изображение. К горлу подступила тошнота, внизу живота как-то странно засосало. Он поднял взгляд на фотографии на бельевой веревке. Снимок прямо над его головой притягивал взгляд, точно магнит. Мальчика бросило в жар, щеки побагровели — стали красными, как и все в этой комнате. И в то же время ему было не по себе. Это выглядело таким... настоящим... или это актеры? Будто в фильме! Эти колонны, стены — как в средневековье. И черные наряды...

Он наконец заставил себя отвернуться, и его взгляд упал на развороченные груды оборудования на полках, на видеомagneтофоны. На их боках

поблескивал крошечный логотип фирмы — «JVC». Нижний магнитофон был включен, на зеркальной панели светились цифры и значки. «Как в “Звездных войнах”, в кабине космического корабля», — подумал он.

Рука Габриэля точно сама потянулась к магнитофону, палец нажал на кнопку. Мальчик вздрогнул, когда внутри магнитофона что-то громко клацнуло. Еще раз и еще, потом послышалось жужжание моторчика. *Кассета!* В магнитофоне была кассета! Щеки Габриэля горели. Он быстро нажал еще на одну кнопку. Опять послышались щелчки — и по монитору рядом с магнитофоном побежали полосы. Изображение дрогнуло — и выровнялось. Размытое, с нечеткими цветами, странное — будто окно в другой мир.

Габриэль невольно подался вперед — и отпрянул. Во рту у него пересохло. То же изображение, что и на снимке! То же место, те же колонны, те же люди, только теперь они двигались. Он хотел отвернуться, но не мог. Вдохнув затхлый воздух подвала, он, сам того не замечая, задержал дыхание.

Образы пронзали его сознание, словно молнии, а он ничего не мог с этим поделать, не мог отвернуться, мог только смотреть.

Нож взрезал черную ткань платья.

Светлый треугольник на белоснежной коже.

Спутанные длинные светлые волосы.

Хаос.

И еще одно движение ножа — яростное, резкое. И словно нож вонзился Габриэлю в живот, его затошнило, все вокруг начало вращаться. Зловеще мерцал экран монитора. Дрожа, мальчик нажал на кнопку.

Прочь отсюда! Скорее!

С глухим «вввумп» картинка съежилась и исчезла, точно в мониторе образовалась черная дыра, как в космосе. Звук пугал и в то же время успокаивал. Габриэль посмотрел на темный экран — там отражалось его побагровевшее лицо, будто на него взирал испуганный призрак.

«Только не думай об этом! Только не думай об этом...»

Он взглянул на фотографии, на беспорядок в лаборатории — все, что угодно, лишь бы не смотреть на монитор.

«Чего ты не видишь, того нет!»

Но оно было. Где-то там, в мониторе, в той черной дыре. Из видеомангитофона донесся тихий скрежет. Габриэлю хотелось зажмуриться — и открыть глаза где-нибудь в другом месте, проснуться. Неважно где. Только не здесь. Он все еще стоял перед своим призрачным отражением в мониторах.

И вдруг мальчика охватило жгучее желание увидеть что-нибудь красивое — или просто что-нибудь *другое*. Словно повинувшись своей внутренней воле, его рука потянулась к другим мониторам.

«Вумп». «Вумп». Два экрана вспыхнули. Два размытых изображения постепенно приобрели четкость, к красному свечению в лаборатории прибавилось голубоватое мерцание. На одном экране был виден коридор и открытая дверь в подвал, на лестнице царил тьма. На втором — кухня. Кухня... и его родители. Из динамиков доносился голос отца.

Габриэль широко распахнул глаза.

«Нет! Пожалуйста, не надо!»

Отец ударился о кухонный стол. Ножки стола со скрежетом проехали по кафелю. Этот звук шел не только из магнитофона, он проникал сквозь потолок подвала. Габриэль вздрогнул. Отец рывком открыл ящик, что-то достал оттуда...

Мальчик в ужасе смотрел на экран. Хотелось зажмуриться, ослепнуть! Ослепнуть и оглохнуть. Но этого не произошло.

Слезы навернулись ему на глаза.

Вонь химии смешалась с тошнотворным запахом рвоты в коридоре — и Габриэля вырвало. Ему хотелось, чтобы кто-то пришел, обнял его, успокоил.

Но никто не придет. Он один.

Понимание этого обрушилось внезапно, как удар. *Кто-то должен что-то предпринять. И он* был единственным, кто мог что-то сделать.

«Как поступил бы Люк?»

Тихо ступая босыми ногами — он уже не чувствовал исходивший от пола холод, — мальчик вышел из подвала. Красная комната за его спиной полыхала, как преисподняя.

Если бы только у него был световой меч! И вдруг Габриэлю в голову пришла другая мысль. У него было кое-что намного, намного лучше меча.

Двадцать девять лет спустя

Глава 1

Берлин, 1 сентября, 23:04

Снимок в подвале без окон покачивается. Эта фотография – как дурное предзнаменование. Снаружи бушует дождь. Крыша старого особняка стонет от обрушившейся на нее воды. На фахверковом фасаде, прямо над входной дверью, вращается темно-красная мигалка, то заливая порог светом, то угасая.

Луч фонаря дрожит во тьме подвала, дрожит как рука, потянувшаяся к черному блестящему платью. Платье висит на плечиках, точно испорченная кукла, и кончики пальцев гладят нежную ткань. Фотография, прикрепленная к платью булавкой, издали выглядит как обрывок обоев. Снимок бледный, краска принтера впиталась в обычную бумагу, и цвета потускнели, поблекли.

Платье с фотографией еще покачивается, плечики только что повесили, и кажется, будто в складках ткани играет ветер. Будто тут еще царит жизнь. И в то же время смерть.

На фотографии – молодая, хрупкая и потрясающе красивая женщина. Худощавая, почти мальчишеская фигурка, маленькие груди, застывшие глаза.

Длинные светлые волосы желтоватым ореолом обрамляют лицо – голова девушки возлежит на этой копне волос, точно на сбившейся подушке. На ней такое же платье, как висит теперь на плечиках в подвале. Платье сидит на ней как влитое. Оно и само – как она: нежное, экстравагантное, бесполезное и дорогое. И оно испорчено впереди, один надрез, словно оно должно застегиваться на молнию.

Кожа под платьем тоже испорчена, надрез тянется от влагалища по лобку к груди. На животе рана разошлась, но багровые внутренности скрывает милосердная тьма. Черное платье сковывает тело, как смерть.

Идеальный образ, идеальный, как место, где висит теперь черное платье и ждет, когда же *он* найдет снимок. На улице Кадеттенвег, дом 107.

Луч фонарика в последний раз падает на тяжелый серый ящик у стены и ржавый замок. Ключ подошел, но с трудом проворачивается, словно ему приходится вспоминать, зачем он вообще был создан. Мигает ряд мелких красных лампочек, три не горят. За долгие годы вольфрамовые нити повредились. Но это неважно. Та лампочка, которая нужна, все еще горит.

Луч перебегает к двери подвала, к ступеням. На полу видны следы, но это хорошо. Следы приведут его сюда, когда он прибудет в этот дом, помянут на лестницу в подвал, к черному платью. К фотографии.

И тогда он вспомнит. У него волосы встанут дыбом. И он скажет: «Это невозможно».

И все же так и есть. Он поймет. По этому подвалу, пусть это и *не тот* подвал. Пусть это и *не та* женщина. Конечно, будет и другая женщина. *Его* женщина.

Это случится в день ее рождения. Какая занятная мелочь!

А лучше всего то, как замкнется круг. Ибо все началось в подвале — и в подвале же закончится.

Подвалы — преддверия ада. И кому знать это, как не тому, кто уже вечность горит в аду.

Глава 2

Берлин, 1 сентября, 23:11

Сигнализация работает уже девять минут. Любой другой на пути к машине потянулся бы к оружию, хотя бы проверил, взял ли с собой пистолет, на месте ли он, там ли, где обязательно должен быть, – в кобуре на поясе.

Но Габриэль не проверяет, на месте ли пистолет. Он не носит оружие. Сколько он себя помнит, пистолеты его пугают. Не говоря уже о том, что ни один немецкий чиновник не выдал бы ему разрешение на огнестрельное оружие.

Он уже подходит к машине, когда вода начинает затекать ему за шиворот. Габриэль отключает блокировку автомобиля, и в темноте фары вспыхивают оранжевым. Он падает на сиденье и захлопывает дверцу. Вода с резиновой окантовки дверцы брызгает ему в лицо. Разверзлись хляби небесные, вода бьет из туч, как из брандспойта. Габриэль смотрит в зеркало заднего вида, где его отражение словно висит в воздухе перед лобовым стеклом.

Он знает, что нужно завести мотор, но что-то удерживает его, кожа покрывается мурашками, точно по ней пробегает электрический ток. Опасность. Что-то не так. Причем именно сегодня. Именно сейчас.

«Наплевать, Люк. Чего ты ждешь? Это ведь не из-за нее?» – шепчет настойчивый голос в его голове.

«Я обещал ей, что приеду к полуночи», – думает Габриэль.

«Ты ей ничегошеньки не обещал. Это просто она так поняла твои слова. А что она такая стерва, так это не твоя проблема».

«Вот дерьмо», – бормочет Габриэль себе под нос.

«Дерьмо? Почему? Разве ты не видишь, что она с тобой вытворяет? Стоит тебе на кого-то положиться, как ты становишься слабаком. Как будто не знаешь, как это опасно! Лучше разберись с сигнализацией».

На лице Габриэля играют желваки. Проклятая сигнализация! Уже двадцать лет он работает на фирме «Питон», и большую часть этого времени он занимался системами сигнализации. И работал телохранителем. До последнего времени — Габриэль переехал всего несколько месяцев назад — он даже жил на окруженной забором территории охранной фирмы, занимая две по-спартански обставленные комнаты рядом с зарешеченными воротами на улицу. Юрий, его начальник, взял Габриэля под свое крыло и предоставил ему убежище. Утром тренировки, вечером после шести — вечерняя гимназия. А каждая свободная минута помимо этого — работа в «Питоне». Единственную проблему составляли выходные. Когда Габриэлю нечем было заняться, его охватывали воспоминания. Впрочем, однажды он обнаружил в гараже Юрия разбитый в аварии автомобиль, старенький спортивный «мерседес». Юрий отдал ему развалюху, и Габриэль, никогда раньше не занимавшийся автомобилями, с головой ушел в починку, словно ему предстояло восстановить чью-то душу.

Когда «мерседес» был готов, Юрий привез ему сломанный «ягуар», потом другие классические модели семидесятых годов. Гараж никогда не оставался пуст.

За это Юрий требовал только одного — чтобы Габриэль выполнял свою работу. Но на самом деле Габриэлю не нужна была какая-то награда за старания — если он когда-то и чувствовал себя на своем месте, так это на работе.

Габриэль, застыв, смотрит в зеркало заднего вида. Дождь барабанит по капоту в отблесках фонарей во дворе. Его глаза поблескивают в темноте, три короткие вертикальные складки между бровей становятся глубже.

Он проворачивает ключ в замке зажигания. Но рев мотора не слышен за перестуком дождя о крышу машины. Габриэль включает стеклоочистители, нажимает на газ, и антрацитового цвета «фольксваген-гольф» с желтой надписью «Охранная служба “Питон”» катится по двору, мимо других автомобилей фирмы, минует открытые ворота на улицу и скрывается в серости дождливой ночи.

Улица Кадеттенвег, 107.

Всего несколько минут назад они даже не знали, что «Питон» обслуживает дом по этому адресу. Сигнализация сработала буквально из ниоткуда. Берт Коган не сводил взгляда покрасневших глаз с мониторов на базе. И там словно материализовался дом-призрак. Коган работал на фирме больше девяти лет, эти экраны были его личной параллельной вселенной, и в квартале особняков в Лихтерфельде он знал каждый пиксель, каждый дом, охрану которого обеспечивал «Питон».

— Эй, глянь-ка, — ошеломленно пробормотал Берт.

— Что там у тебя? — спросил Габриэль.

— Вот! — проворчал Коган, тыча шелушащимся пальцем в красную точку на экране. — Ты можешь мне объяснить, что это за дом?

Габриэль пожал плечами.

— Понятия не имею. Если даже ты не знаешь, то откуда же мне знать?

— Я просто подумал... — Коган почесал щетину, покрывавшую двойной подбородок.

— Что ты подумал?

— Ну, ты тут давным-давно работаешь...

— То, что я уже вечность работаю на Юрия, это одно. — Габриэль указал на экран. — А это другое. Ты в списке проверил?

— Еще чего! — хмыкнул Берт. — Я список по Лихтерфельде наизусть знаю. И этого дома там нет. То есть совсем.

Габриэль нахмурился, глядя на мерцающую точку с подписью «107» прямо рядом с тонкой белой линией — улицей Кадеттенвег. По спине побежали мурашки.

«Что случилось, Люк? — прошептал голос в его голове. — Просто красная точка, ничего особенного. Ты такое тысячу раз видел. Нечего нюни распускать!»

— Ладно-ладно, — пробормотал Габриэль, сам того не замечая.

— Ты что-то сказал? — переспросил Коган.

— Что? А-а, да нет, ничего, — поспешно ответил он.

Молча достав мобильный из внутреннего кармана кожаной куртки, он позвонил Юрию Саркову.

Юрий не сразу взял трубку.

— Привет, Габриэль! — бросил Сарков. Его голос звучал бодро, хотя в Москве уже было около часа ночи. — Что стряслось?

— Привет. — Габриэль задумался, выключает ли Юрий хоть когда-нибудь телефон. И вообще, спит ли он? — У нас тут что-то странное. Включилась сигнализация в Лихтерфельде-Вест, в квартале особняков. Но этого дома нет у нас в списке с недвижимостью клиентов.

— Хм... Какой адрес?

— Кадеттенвег, 107. — Габриэль переключился на громкую связь, держа трубку так, чтобы Коган тоже слышал разговор.

Но Сарков молчал, только доносились тихие помехи в связи.

— Юрий? Ты еще там?

— Дом 107? Кадеттенвег? Ты уверен? — переспросил Юрий.

— Так написано на экране, — проворчал Габриэль. — Тебе это что-то говорит?

— *Bljad*. — Юрий выговорил это слово так тихо, что Габриэль едва его услышал.

Юрий был русским по отцу и, когда что-то выводило его из себя, ругался по-русски.

— Так это наш клиент?

— В общем-то, да.

В общем-то? Габриэль удивленно приподнял брови. Кто-то либо клиент, либо нет.

— Кто владелец дома? Если у тебя есть его телефон, я разберусь.

— В доме никто не живет, — ответил Юрий.

Габриэль помолчал.

— Тогда что делать?

В трубке опять воцарилась тишина. Габриэль представил, как Юрий Сарков сидит где-то в Москве — он поехал туда навестить родню и был этому не очень-то рад — и размышляет. Тонкие, чуть синеватые губы, жидкие волосы, очки в тонкой оправе, как у бухгалтера, серые глаза, лицо почти без морщинок, что странно для шестидесятилетнего мужчины (можно было подумать, что Юрий никогда не смеется и не хмурится, вот кожа и не знает, где должны пролегать складки).

Юрий вздохнул.

– Отправь туда кого-нибудь. Кто там на дежурстве?

– Мы с Коганом. В полицию позвонить?

– Нет. Это наше дело. Вряд ли там что-то серьезное случилось. Пошли Когана, этого будет достаточно.

Коган отчаянно замотал головой, показывая себе на ноги. Габриэль жестом приказал ему помолчать.

– А почему Когана? Он же наружкой не занимается.

– Я тебе сказал, пошли Когана! – раздраженно прорычал Юрий. – А то чего он к своим мониторам приклеился? Уже и забыл, как на улицу выходить.

– Ладно, Когана так Когана, – откликнулся Габриэль. – А кто владелец дома? Разве ему не нужно позвонить, прежде чем туда ехать?

– Это уже моя забота, – отрезал Юрий. – А ты побудь на базе, пока Коган туда смотается.

Коган закатил глаза, в нарочитом отчаянии развел руками и опять указал на ноги.

– А ключи?

– Слушай, дай Когану трубку, а?

Габриэль молча передал телефон коллеге.

Берт с несчастным видом прижал трубку к уху.

– Шеф?

– А теперь слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы именно ты туда съездил, ясно? Только без самостоятельности там, ясно? Обычная рутина, больше ничего! Я вначале хочу выяснить, что там вообще происходит.

– Шеф, а может... ну... у меня вообще-то нет наружки и...

– Заткнись и делай, что тебе говорят! – рявкнул Сарков.

– Как скажете, шеф, – поспешно согласился Коган.

На его щеках проступили красные пятна.

– Ключи у меня в кабинете, в маленьком сейфе. На ячейке написано «К107». Код – 3722. И перезвони мне, когда разберешься, что там такое. Ясно?

– Ясно, – удрученно ответил Берт, но Сарков уже повесил трубку.

Коган отложил телефон и посмотрел на Габриэля.

— Вот дерьмище, чувак... — простонал он, потирая лоб. — Он подзревает.

Габриэль поморщился. Коган был диабетиком, и в последние годы у него ужасно повысился сахар. Икры сводило судорогой, ноги часто болели, ходить стало трудно. Но Берт очень старался скрыть свое состояние от Саркова. Он знал, что с инвалидностью его шансы сохранить работу в «Питоне» стремятся к нулю. Бедняга уставился на красную точку на экране. Глаза у него остекленели.

— Я не справлюсь. Ноги болят.

Габриэль прикусил губу. Он знал, что Коган не в состоянии съездить в Лихтерфельде. С другой стороны, его ждала Лиз, и если он сейчас подежурит на базе, то в полночь его сменит Егоров и тогда можно будет уйти с работы вовремя.

— Вот черт! — простонал Коган. — А что мне делать, если там правда кто-то засел? Я же от него даже сбежать не смогу.

— А тебе и не нужно бежать. У тебя-то пистолет есть.

Коган состроил гримасу — наверно, старался придать себе угрожающий вид, но на самом деле было видно, что он в отчаянии.

— Ну ладно, — сдался Габриэль. — Съезжу. В конце концов, наружка-то на мне.

Коган с облегчением вздохнул.

— Точно?

Габриэль мрачно кивнул. Он думал о том, что вернется не раньше, чем через два часа. И как он будет объяснять все это Лиз? Она расстроится.

— А Сарков? — спросил Берт. — Что ему скажем?

— А ему об этом зачем знать? Я тебе позвоню и расскажу, что там и как. Тогда можешь с ним связаться.

— О'кей. — Мутные глаза Когана блеснули. — Спасибо, чувак. Ты опять мою задницу спасаешь.

Габриэль криво ухмыльнулся.

— Так ты уверен, что в документах ничего нет о клиенте?

Коган пожал плечами.

— Может, ноги у меня и не ходят, но вот тут, — он постучал себя по лбу, — все в порядке.

Кивнув, Габриэль посмотрел на часы.

— Черт... — пробормотал он.

Еще полчаса — и его смена закончилась бы. Встав, он набрал номер Лиз и поднялся по лестнице в кабинет Юрия, чтобы забрать ключи.

Когда Лиз взяла трубку, он едва сумел разобрать ее голос — в баре, где она сидела, стоял страшный гам.

— Лиз? Это я.

— Привет! — весело откликнулась она. — Я еще в «Линусе», болтала с Ванессой, но она уже собирается домой. Ты подойдешь? Мы могли бы немного посидеть тут, а потом прогулялись бы по парку.

«Линус». Только этого не хватало. Габриэль даже обрадовался, что теперь у него есть отговорка. В «Линус» его и силком не затянешь.

— Честно говоря... — Габриэль вошел в кабинет Саркова. — У меня тут возникла проблемка. Придется выехать на объект.

— О нет... — простионала Лиз. — Только не сегодня!

Габриэль ввел код сейфа, и дверца открылась. Перед ним лежали три десятка ключей от домов VIP-клиентов фирмы.

— Это из-за бара, да? — спросила Лиз. — Если сегодня не хочешь видеть всю эту журналистскую братию, так и не заходи. Заедешь за мной — и мы уйдем.

— Дело не в этом.

— А в чем? В Дэвиде? Ну же, ты не можешь вечно от него прятаться. К тому же тут его все равно нет.

— Лиз, дело не в этом. Я же сказал, мне нужно выехать на объект. Она помолчала.

— А никто другой не может съездить вместо тебя?

— Без шансов. К сожалению.

Он не стал рассказывать ей о проблемах с Коганом. Все равно она бы не поняла.

— У тебя отвратительная работа, — сказала Лиз.

— У тебя тоже, — отрезал Габриэль. Он осторожно снял связку с двумя чуть поржавевшими ключами с крючка, на котором болтался розовый пластмассовый номерок с надписью «K107». — И раньше тебя это не волновало.